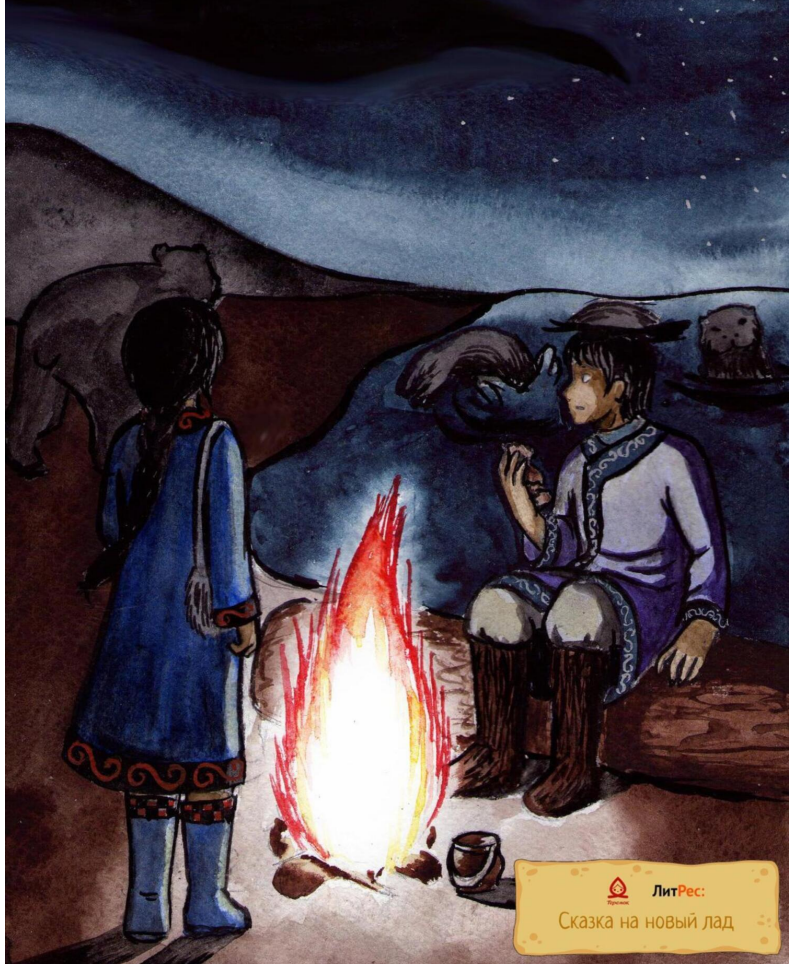

Камушкова Светлана

«Младшая»

ЛитРес:

Сказка на новый лад

Светлана Александровна Камушкова

Младшая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68674570

SelfPub; 2022

Аннотация

На далеком северном острове живут люди, что верят в горных духов, и духов моря. Люди что охотятся на медведей и разводят оленей. Люди, что поют заунывные песни и умеют слышать звезды. Это сказка, по мотивам легенд и рассказов нивхов и айнов острова Сахалин. Сказка о брате и сестре, для которых мир открывается волшебным созвездием чудес и приключений.

Светлана Камушкова

Младшая

День, когда родилась Райси – можно было смело называть первым днем настоящей весны. С полудня солнце начало греть сильнее, чем обычно, да и утром не заметили обычной и уже надоевшей поземки возле порога. К вечеру охотники принесли в селение двух подстреленных зайцев – видать зверьки выбрались из нор, чувствуя тепло. И где-то на реке услышали первый треск льда, пусть и далекий, словно эхо из-за сопок, но такой долгожданный. Все эти признаки и приметы успокаивали жителей селенья, дарили надежду после долгой, изматывающей зимы.

Тосума смотрел на новорожденную сестру и думал, что эта зима принесла больше боли, чем предыдущие, стала тяжелым испытанием для всех. Почти каждая семья в этом году несла потери. Его старший брат замерз в лесу, выслеживая зверя. Впрочем, как и некоторые другие охотники, кто рисковал выходить в трескучий мороз за добычей. Еды не хватало, похудевшие и измотанные жители молились горным духам, просили милости в охоте. Но духи молчали.

– Ушли вглубь сопок, – хрипела шаманка Ирда, провожая мутным усталым взглядом тощего ворона, летевшего над лесом.

Даже горные и морские хозяева тяжело переживали холо-

да. Они не посылали зверя, не помогали охотникам, не охраняли их в походах, позволяя замерзнуть возле погасшего костра.

Запасы пищи слишком быстро заканчивались, а голод вел за собой болезни. Первыми пострадали дети, особенно маленькие. Старшие еще держались, но первые оттепели встретили лишь самые сильные, пусть и подкошенные холодом, вымотанные голодом. Старики отдавали свои пайки молодым, понимали, что им самим уже некуда спешить. И погребальные костры вспыхивали в ночи все чаще, а на заветной поляне в лесу число небольших могильных курганов из камней увеличилось в разы.

Райси стала первой, кто родился долгожданной весной в нивхском селении, остальные так и не дождались своего срока. Но за ее рождение своей жизнью платила совсем молодая женщина – жена вождя, мама Тосумы. В тишине их дома, она лежала возле очага и смотрела на огонь, спокойная и усталая.

– Девочка принесла весну своим рождением, – шаманка Ирда старательно отпаивала роженицу бульоном из свежего кролика. – Слышишь?

Женщина слышала, но измотанная родами и предшествующим голодом, даже на ответ сил не находила.

Тосума сидел рядом с матерью и думал, что шаманка, конечно, мудрая и добрая, но ничего она не понимает. Откуда его новорожденная сестра могла знать о весне и болезни?

Это не Райси принесла тепло, это его мама прогнала зиму своей волей, вымолила у горных духов. А за такое надо платить. И теперь его маму заберут Горные Люди. Было обидно. Неужели им она так необходима? Но ведь и здесь она очень-очень нужна. Кто будет рассказывать им сказки? Кто будет учить Райси шитью и другим женским мудростям? Винить сестру в маминой болезни он даже не думал. Скорее уж понимал – когда мама уйдет, именно ему придется воспитывать малышку, особенно когда она подрастет. Когда окрепнет достаточно, что бы быстро бегать и познавать мир. А значит и ему надо учиться, как можно больше узнавать о лесе, море, сопках.

Шаманка ушла, и Тосума рискнул подойти к маме. Молодая нивха не спала, все так же смотрела на огонь, но сына заметила.

– Совсем ослабла, – пожаловалась она мальчику. – Как твоя сестра?

– Спит. – Тосума взял ее руку, положил себе на колени.

– Хорошо, – женщина улыбнулась. – Ты у нас теперь в семье старший.

– Знаю, – Тосума кивнул. Ему уже семь, хватит быть ребенком. Особенно после того как ушел старший брат.

– Не боишься? – Мама приподнялась на локтях, но долго не выдержала, снова легла на бок.

– Вот еще, – Тосума фыркнул. – Я теперь буду помогать отцу, и воспитывать сестру.

– Хорошо, ты у меня сильный, – вздохнула женщина. – Не бойся ничего. Обещаешь?

– Да, – мальчик сжал мамину руку. Хотелось плакать, но он сдерживался.

Тосума вышел во двор, когда мама уснула. Долго стоял и смотрел, как возвращаются охотники с первой крупной добычей – поймали нерпу. Наблюдал, как женщины разделяют тушу: делят на ритуальную часть, для Хозяев гор и воды, и ту, что пойдет в пищу. Плакать все еще хотелось, но он помнил свое обещание: быть сильным, не бояться.

Шаманка вошла в дом, пробыла там всего ничего и вышла. Велела найти вождя. Тосума не сходил с места, но слушал внимательно. Когда пришел отец, шаманка кивнула, что-то начала говорить. 'Кровь оборвалась' услышал Тосума и только сильнее сжал кулаки. Не плакать! И не бояться.

Вечером вновь зажгли погребальный костер. Отец держал Райси на руках и молчал. Тосума стоял рядом, смотрел, как огонь пожирает знакомый ритуальный халат, вспоминал как мама шила его по вечерам, украшала вышитыми улитками¹-завитками, пришивала крошечные подвески-ваты² по подолу. Наверняка мечтала, как научить дочь этому искусству.

Не плакать!

Шаманка заунывно тянула погребальную песню, направляла душу умершей в подземный мир, туда, где ждали ее родные, уже давно ушедшие. Тосума почувствовал, как рука от-

да легла на его плечо. Все правильно, надо быть сильным. Ради них. Ини в коем случае не боятся. Ничего!

Как росток сараны³, пробившийся в низине, тянется к солнцу и высасывает влагу из земли, так и Райси, росла быстро, крепчала, и к пяти годам стала сильным и очень активным ребенком. И не скажешь, что родилась после тяжелой голодной зимы. Тосума оказался прав, за ней нужно было следить в оба. Стоило отвернуться, и малышка уже проверяла глубину реки, сильно ли обжигает огонь, можно ли приручить самого злого пса в поселении. Сделав первые шаги по земляному полу дома, Райси поняла, насколько же здорово передвигаться самой, а не на руках женщин-помощниц – ее отец так и не выбрал себе вторую жену.

Маленькая, но очень подвижная, девочка топала по всем дорожкам поселения, трогала, гладила, тянула все, что попало под руку. Но больше всего любила две вещи: вечерние сказки шаманки Ирды и игры с братом.

Шаманка нравился ей запахом курений, перестуком амулетов на поясе, мелодичным звучанием подвесок-ватов на подоле халата. Райси садилась напротив нее и следила за каждым движением женщины. Ирда курила длинную трубку, набивая ее каждые несколько минут новыми травами из кисета и, улыбаясь, вела свой неторопливый рассказ о строении мира.

– Мир наш делиться на несколько частей, – шаманка рас-

сказывала певуче, растягивала слова и склеивала их дымом в единую ткань повествования. – В Верхнем мире живет самый большой дух – Хозяин, и его небесные люди. Он следит за нами, знает, когда кто умрет или родится. В нашем Среднем мире, рядом с нами, людьми, живут Хозяева гор, леса, моря. У них свои семьи, свои правила. Если захотят – помогут. Если обидишь их – жди беды.

Шаманка доставала из кисета пахнущие травами фигурки: деревянные люди со звериными и птичьими головами. Райси тянула ручки, но Ирда грозила ей пальцем, мол, не смей, нельзя. Тосума обнимал сестру и тут же занимал ее руки чехлом для ножа, кожаным с изображениями медведя и нерпы. Это помогало, и рассказ продолжался.

– Хозяева приходят в наш, Средний мир, могут выбрать себе мужа или жену. Иногда они приходят как люди, красивые, сильные, иногда как животные. Но стоит им сбросить шкуру, и ты видишь человека. Если уж тебя выбрали Хозяева, то рано или поздно ты уйдешь с ними и сам станешь лесным, горным или морским Человеком. И твои же соплеменники будут видеть тебя как животное или птицу.

– Интересно, наверное, – Райси зевала и всматривалась в дым от трубки. Что она в нем видела? Бегущих оленей и хозяина гор, в медвежьей шкуре? Нерпу, сбрасывающую мех, что бы предстать перед возлюбленным в женском обличи?

– Что, интересно? – Тосума устраивал сестренку на лежанке возле очага.

– Интересно быть лесным или горным Человеком.

Тосума пожимал плечами. Он больше любил рассказы об охотнике Мыкрфине, что бесстрашно спускался в Нижний мир, где жили духи умерших нивхов. Там он встречался с возлюбленной. Или наоборот, поднимался к Горным Хозяевам, и находил там жену. Как один человек успевал столько всего за свою жизнь – было удивительно. Но со временем мальчик начал понимать, что именем великого охотника называли не одного человека, а нескольких. Выходит имя его как звание. Так, может, и его однажды будут называть именем героя?

Иногда старая нивха рассказывала страшные сказки о злобных духах милках⁴. Райси всегда слушала, раскрыв рот, но стоило шаманке замолчать, и девочка прижималась к брату, ища защиты и поддержки.

– Не бойся, – Тосума обнимал ее, кутал в медвежий мех одеяла. – Милк сюда не придет. Он боится смелых.

– А ты смелый? – Райси куталась по самую макушку, так что из-под одеяла торчал только ее нос да сверкали черные глазенки.

– Конечно, – Тосума уверенно кивал. – Я обещал нашей маме, что всегда-всегда буду смелым. Ради тебя и папы. Я буду воином, и буду вас защищать.

– Расскажи о маме, – просила сестренка, и ее брат, в который раз, начинал историю о том, какой красивой, умной и ловкой была жена вождя.

Иногда он придумывал сказки, сравнимые с историями шаманки. О том, как их отец победил горного человека и забрал маму домой. О том, как соревновались самые сильные воины и в награду победителю (их отцу, конечно же) досталась самая красивая девушка селения. Райси засыпала довольная.

Как только на реке начинал трескаться лед, нивхи доставали лодки и начинали чинить сети. Работы было много, и к ней привлекали даже детей. Райси, как одна из младших, выполняла более простые, но не менее ответственные задания: сушила жилы для сетей, училась плетению и готовила еду для охотников и рыбаков, уходящих в море. Когда земля полностью освобождалась от снега, и треснувший ледяной панцирь по рекам уходил в море начинался обряд кормления воды. Сотни лодочек из плотных листьев уплывали вниз по течению, унося с собой веточки лиственницы (родового дерева нивхов), сушенную рыбу, нерпичий жир и смесь корней сараны и пучки⁵. Пахло сырой землей, ветер приносил с моря едкие запахи. И шаманка Ирда вставала на носу главной лодки, первой спущенной в этом году на воду. Она пела, и черный ворон садился на ее плечо.

Райси в такие дни ходила притихшая, все больше слушала и запоминала, чем спрашивала. Ирда год за годом все ближе допускала ее к себе, и когда девочке исполнилось шесть – позволила помогать в ритуале кормления воды. Гордая

маленькая нивха смешивала лакомства для водных Хозяев, приносила и подавала крепкие листья-лопухи для лодочек. И практически совсем забыла о брате.

Тосума даже немного завидовал ей. Хотя и у него дело было много. Охотники селения учили его читать весенние следы в лесу, показывали, как и где лучше ставить силки на разных животных. По вечерам мальчик все чаще сидел возле костра со взрослыми мужчинами, слушая их легенды и воспоминания, чем присоединялся к сестре в ее играх и шаманских учениях.

Но сразу после проведения ритуала им выпал день, когда брат и сестра смогли поиграть вместе. Мужчины еще с утра занимались делами, с охотой никак не связанными. Все больше помогали женам по дому, или возились с детьми – несколько дней после кормления водных Хозяев стоило подождать, пусть обитатели Моря решат, сколько рыбы и нерпы посылать нивхам.

Тосумане знал, чем заняться. Его отец занимался решением вопросов важных, но скучных. Как и полагается вождю он лично осматривал все постройки поселения, считал оружие, силки, сети, лодки. Выслушивал жалобы. Его сын отстал еще на третьем доме. Возле четвертого его нагнала Райси.

– Выстругай мне лодочку! – Она потянул брата за рукав.

Тосума задумался. Вроде ритуалам детские игры не мешали, можно и развлечься, раз все старшие ребята заняты –

помогают родителям. У них в семье, как и положено семье вождя, все было убрано и приготовлено за несколько дней до кормления Воды.

– Пойдем, – Тосума проверил на месте ли нож и первым пошел к реке.

Лодочки качались на воде: корпус из коры, паруса из листьев-лопухов. Тосума подравнивал кору, ловко крепил в центре прутик и передавал Райси. Его сестра устанавливала парус и опускала суденышко на воду. Вода бережно принимала его и несла вдаль к морю.

– Как думаешь, в этом году много будет рыбы? – Райси опустила последнюю лодочку на воду и посмотрела на брата.

– Кто ж знает, – Тосума устроился на поваленном дереве, с которого до этого срывал кору на кораблики. – Ты ведь старалась, когда угощения Хозяевам готовила?

– Конечно, старалась, – Райси возмущено посмотрела на брата, и вдруг замерла. Взгляд ее блуждал между деревьями.

– Что там? – Тосума обернулся. Сердце забилося чаще. Со стороны селения шла черная предгрозовая туча, и сотни птиц срываясь с насиженных веток, поднимались в воздух, издавая жалобные протяжные крики. Запахло горечью, паленой кожей.

– Побежали, – Тосума схватил сестру за руку и потянул в сторону родного дома.

Райси была намного ниже брата, но старалась не отста-

вать. Ее подгонял страх за родное селение. Что произошло, дети поняли не сразу. Только когда подбежали к крайним домам. Толпа нивхов жалась к строениям, и все больше к ритуальному амбару, где хранились кости хранителя рода, оставшиеся после медвежьего праздника. Сотни птиц носились над их головами, но не нападали, только кричали на все лады, словно хотели напугать.

В центре селения горел костер. Вокруг огня бегала Ирда, размахивая руками, так, что рукава халата взметались словно крыльями. Она выкрикивала что-то резкое, грубое. Так прогоняют прочь кого-то плохого. Иногда шаманка останавливалась, смотрела в небо, грозила птицам кулаком, выкрикивала чье-то имя и вновь начинала бегать вокруг костра.

– Она прогоняет свою сестру, – Райси прижалась к брату.

Тосума, хоть и был напуган не меньше девочки, вдруг почувствовал прилив сил. Ведь именно ради малышки он обещал маме быть храбрым.

– Какую сестру? – Он сжал маленькую ладошку и постарался найти взглядом отца.

– У Ирды есть сестра-близнец. Они родились от горного Хозяина, поэтому они и стали шаманами. Но ее сестра была очень жадной, все время ела за двоих, забирала больше шкур после охоты. Ее не любили в селении, и однажды, когда она потребовала почти всю рыбу – прогнали. Женщина очень разозлилась, стала крачкой и улетела прочь. И теперь почти каждый год прилетает и начинает строить подлости

сестре. Они не любят друг друга. Ирда говорит, ее сестра стала женой милка. И теперь ей путь в Верхний мир закрыт. Вот она и злится.

Грозовые облака стали еще темнее. Солнце утонуло в них, и на селение опустились холодные мрачные сумерки. Тосума, наконец, увидел отца. Он стоял возле их дома, сжимал в руках копьё и всматривался в птичьи стаи над головой. 'Неужели выискивает сестру Ирды? – Подумал мальчик. – Наверняка она стала одной из птиц. И наша шаманка подсказала, как ее обнаружить'.

– Вон та, большая, с черным клювом. – Райси внезапно указала на небо.

Тосума перевел взгляд с отца на птичье безумие над головой. Огромная крачка, с черным, словно вымаранным в саже клювом пикировала на старую нивху, пляшущую возле огня.

Тосума хотел было сорваться с места, подбежать к отцу, подсказать, но Райси, мертвой хваткой вцепилась в него, пряча лицо в рубашку. Как чувствовала, что сейчас будет. Мальчик не мог оторвать взгляда, он видел все от начала до конца и холодный липкий страх заползал в его душу.

Огромная крачка метнулась в сторону костра. Глаза ее полыхали словно угольки – маленькие красные злые точки. Уже готовая пробить голову родной сестре, но Ирда оказалась проворнее. Набрав в ладонь угольки от костра, старая нивха выпрямилась и посмотрела прямо на обезумевшую

птицу. Резким движением она швырнула горсть углей в глаза крачки и замерла в ожидании. Птица, ослепленная и напуганная, сбилась с курса, заметалась в воздухе, надеясь не упасть на землю. Но уже через секунду острое копьё с костяным наконечником пробило ее грудь, пригвоздило к земле в нескольких шагах от огня.

Прошло всего несколько секунд, показавшиеся Тосуме часами, прежде чем крачка перестала дергаться и стелать, совсем по человечески, и замерла, раскинув крылья. Клюв ее приоткрылся, глаза погасли. И как только птица испустила дух, первые лучи солнца пробили плотную облачную завесу над головами нивхов. Жители поселения вздохнули с явным облегчением.

Ирда подошла к погибшей птице. Схватившись за древко копья обеими руками, шаманка вырвала его из земли, и вместе с тушей птицы поднесла в костру. Огонь охватил вначале перья, заставив мертвую крачку вспыхнуть словно факел, затем начал пожирать плоть. Как ни странно, птица сгорала быстро, словно была пустой внутри.

Райсиотстранилась от брата и даже сделала несколько неуверенных шагов в сторону родного дома. Отец все еще стоял там, успокаивал местных жителей, уверял, что все закончилась. Но Тосума слишком хорошо его знал – видел в глазах мужчины беспокойство. Вместе с сестрой они рискнули подойти поближе. Плоть птицы уже сгорела, осыпалась прахом в костер, который тоже теперь умирал.

– Ушла? – Райси шагнула к Ирде.

– Да, – женщина вздохнула. – Она ранена, будет умирать у себя дома. Здесь оставила только свое птичье обличие.

– Это опасно? – Вождь, отослав последних любопытных, подошел к детям, взял дочь на руки.

– Пока да. – Ирда поворошила угли потухшего костра. Слишком быстро потухшего. – Ее муж придет сюда мстить, да и крупницы злого духа надо изгнать из деревни. Наверняка часть ее колдовства здесь осталась.

Шаманка вытащила копье из золы. Костяной наконечник частично обуглился, но зазубрины по краям казались все так же острыми. Старая нивха отвязала наконечник, ударила им о землю, отделяя от древка, но хозяину не вернула – спрятала в сумочке на поясе. Древко кинула обратно в золу.

– Такие вещи для воина опасны, – объяснила она, заметив удивленный взгляд Тосумы. – Да и от болезней подальше.

Но как ни старалась шаманка, как ни обходила деревню с бубном, как ни призывала горных Хозяев на помощь, но от болезни скрыться не удалось. После первой же удачной охоты слег вождь, заставив жителей поселения невольно взяться за талисманы и фигурки-обереги. Ирда не покидала дом вождя, вырезая солнца и луны из березы и лиственницы, пела заунывные заклинания и шептала обращения к духам. На крыше дома обосновались вороны. Девять⁶ черных как ночь птиц, то молча наблюдали за жителями поселения, то пере-

крикивались мерзкими хриплыми голосами.

Райси помогала шаманке: готовила ритуальные кушанья для призванных духов, кормила отца питательными бульонами, вырезала ему шапочки со стружками-инау⁷ из коры рябины, чтобы отогнать болезни, и прислушивалась, словно ждала ответа из темноты жилища. Тосума все чаще сбегал из дома в лес, на охоту и установку силков. Отец одобрительно кивал, довольный, что в семье растет воин ему на замену. Но мальчику на самом деле было ужасно тоскливо и страшно. Страх проник в его душу еще во время нападения крачки-ведьмы, и не желал покидать его ни на минутку. Было страшно за отца, страшно за сестру, страшно за самого себя. И стыдно, что он никак не мог прогнать это липкое противное чувство. Возвращаясь домой после охоты, он больше всего боялся узнать что 'кровь его отца оборвалась', что опять напала ведьма. Ночью он просыпался в холодном поту, уверенный, что где-то рядом с домом ходит озлобленный милк, мечтающий отомстить за жену.

Но рано или поздно, приходит время сразить со своими страхами.

Тосума вернулся с охоты намного позже обычного. В лесу пришлось задержаться не на три дня, как планировали, а почти на неделю. Выслеживали медведя, но так и не поймали – ушел через реку вверх по сопке. 'Может оно и хорошо, – думал мальчик. – Вдруг это был Горный Хозяин'. Сталкиваться с Хозяином сопок особо не хотелось, хотя и верилось

еще в чудо, а вдруг как великий охотник, он сможет уговорить Хозяина помочь его семье? Может Горные Люди найдут лекарства от болезни отца?

Погруженный в свои мысли мальчик вернулся в селение. Подходя к дому, он почувствовал неладное – вороны сегодня разгалделись не на шутку. Они перескакивали с места на место, стучали клювами по дереву крыши и каркали громко, грубо, словно выкрикивали проклятья. Жители селения спешили мимо, стараясь не замечать того безумия, что творилось в доме вождя.

Шаманка Ирда сидела возле входа. Глаза ее были закрыты, руки мелко дрожали, но по-прежнему сжимали бубен и колотушку. Не открывая глаз, она по шагам признала Тосуму.

– Или в дом. – Голос женщины напоминал воронье карканье, и холодный страх поднялся с глубин души мальчика.

– Иди в дом, – повторила шаманка. – Помоги сестре найти всех трех.

– Кого трех? – Не понял Тосума.

– ИДИ!!! – Шаманка уже не говорила, а кричала, каркала, словно старая ворона, и руки ее дрожали все сильнее.

Тосума ворвался в дом. Сквозняк взметнул огонь в очаге, и мальчик не сразу понял, что же происходит. Тени метались по комнате, скакали по осколкам посуды и разбросанным вещам. Только через несколько секунд он понял, что тени принадлежали его сестре. Райси бегала по дому. В руках она дер-

жала, наверное, единственный уцелевший горшок. Кто мог устроить такой разгром и зачем? Что искала его сестра? Тосума замер у двери, не зная, что делать. Страх грыз душу. С кровати донесся стон – его отцу явно стало хуже.

Заметив брата, Райси замерла, выдохнула с облегчением.

– Надо найти жаб, – пискнула она и прижала горшок к груди.

– Каких жаб? – не понял мальчик.

– Серых жаб, – его сестра стала нервно оглядывать по сторонам, и все больше вглядываться в темные углы. – Милк ночью подкинул, что бы они ему путь в дом указали. Сам он пройти не может. Ирда сторожит снаружи, чтобы никто не помешал, а мне надо всех трех жаб найти. Иначе милк все силы отца заберет.

Голос ее сорвался, перешел на крик.

– Хорошо, – Тосума кивнул, он даже не представлял, как искать, где, и главное, как должны выглядеть эти самые жабы.

– Я одну нашла, – Райси постучала по горшку, и в ответ на ее стук, изнутри посуды послышалось недовольное ворчание. – Надо еще двух. Но они прячутся. Я одна не успею.

Вдвоем они вновь перерыли дом, перебрасывая шкуры с одного места на другое, переставляя копы и проверяя все темные углы, но проклятые жабы спрятались слишком хорошо.

Тосума замер, прислонившись к стенке. Райси суетилась,

все еще надеялась найти. Мальчик перевел взгляд с сестры на отца, лежащего на меховой подстилке возле очага, и подозрение закралось в его душу. Медленно подошел он к мужчине, аккуратно взялся за край шкуры, служившей одеялом, и резко дернул, открывая тело, измученное болезнью. Райси обернулась, стараясь понять, что ее брат задумал, и взвизгнула, чуть не выронив горшок. На груди вождя устроились две серые жабы, большие, надутые, явно довольные своей ролью. Свет от очага упал на них, и обе посланницы молока, мерзко квакнув, спрыгнули на пол и бросились в разные стороны.

– Лови их, – Райси помчалась за первой.

Тосума, отбросив одеяло, поспешил за второй. Жабы явно намеревались скрыться от преследователей в темных углах дома, кто знает, может даже облик изменить, прикинувшись черепками посуды. Но дети были быстрее. Райси ловко подхватила жабу крышкой от своего горшка, и, не дав той опомниться, забросила в посудину, к ранее пойманной. Тосума же медлил. Брать такую жабу в руки – все равно, что проклятье на себя накликасть. Да еще молоко посланница, почувствовав неуверенность мальчика, решила бороться за свою свободу. Ее серые глазки блеснули злобой, перепончатые лапки застучали по полу, выбивая ей одной понятный ритм. Тосума сглотнул. Жаба начала меняться. Ее кожа лопалась, выпуская на свет шипы и иголки, мерзкое создание росло и раздувалось, превращаясь в толстого, но явно опас-

ного монстра. Страх всколыхнулся в душе мальчика, холодный, липкий, он поднимался все выше, не давал дышать, и ноги подкашивались, и руки дрожали.

Где-то совсем рядом затрещало пламя в очаге, Тосума медленно повернул голову и посмотрел в огонь. Знакомый женский силуэт танцевал в пламени, и звонкий голос звал его по имени, заставлял вспомнить данное много лет назад обещание.

Ничего не бояться. Жить ради сестры и отца.

Мальчик сжал зубы и посмотрел на разросшуюся жабу. Взгляд его был спокойным и уверенным. И жаба замерла, все наросты на ней осыпались пеплом на пол, тело уменьшилось до прежних размеров, и уже через минуту у ног Тосумы жалобно стонала прежняя мерзкая серая жаба. Мальчик поежился, но больше от неприятия, чем от страха. Нож все так же был на поясе, и Тосума вытащил его из чехла. Не обращая внимание на стоны жабы, он нанес ей единственный, но точный удар.

– Хорошо. – Ирда смотрела, как на дне горшка копошились две жабы, скакали по шкурке третьей, погибшей от ножа. – Теперь надо убраться в доме. Я вернусь ближе к утру.

Она уходила в лес, уносила с собой посланниц зловредного духа, и Тосума почувствовал такую усталость, что готов был упасть и уснуть прямо у порога родного дома. Но Райси за ним следила. Она силой затащила его в жилище, заставила

сменить одежду и только тогда разрешила лечь возле очага. Сон пришел сразу же, гулкий, холодный, но без сновидений.

Проснулся мальчик от запаха вареного мяса. Вставать не хотелось, под шкурами было тепло и уютно, но голод оказался сильнее. Тосума сел и огляделся. В доме снова стало чисто, словно и не было вчерашнего разгрома и погони за жабами. Райси колдовала у очага. Рядом сидел их отец. Выглядел он измученным, но по взгляду было видно, что силы к нему возвращались. По крайней мере, он уже уверенно держал в руках кусок кости, из которой вырезал новый наконечник для копья.

– Проснулся! – Райси радостно улыбнулась брату. – Есть хочешь?

Тосума кивнул, и вскоре уплетал за обе щеки вкусный суп. Отец смотрел на него и довольно улыбался. Если и было что-то плохое в их жизни, то оно ушло, и возвращаться пока не собиралось.

Лето сменяло весну, дарило тепло и сочные ягоды. Осень приходила вслед за летом, принося с собой дожди и хлопоты по подготовке жилищ к зиме. Зима спешила следом за сестрой и радовала подледной рыбалкой и выслеживанием зверя на снегу. А весна вновь напоминала – жизнь она повсюду, жизнь – она вена. Дети росли, тянулись к солнцу. Год за годом менялись и брат с сестрой.

Тосума вытянулся, стал шире в плечах, сильнее и вынос-

ливее, крепчал в постоянных погонях за зверем. Райси подросла и к десяти годам больше напоминала двенадцатилетнюю девочку. Правда, все больше сторонилась и младших и старших своих товарок. Хотя злобный дух из лесной чащи больше не тревожил их семью, но в душе девочки жили страх и сомнения. Она все больше держалась возле брата, если тот не был занят на охоте или не помогал отцу, или крутилась вокруг шаманки. Ирда девочку не отгоняла, и даже чаще улыбалась, стоило маленькой нивхе к ней подойти. Свои знания и навыки шаманка передавала малышке. Вождь только головой качал. Возможно, он видел в Райси жену одного их лучших воинов деревни, но что делать, раз ее матушка ушла за Горными Хозяевами в Нижний мир. Девочка тянулась к старой нивхе, заменившей ей мать, и с ней чувствовала себя в безопасности. Так же как и рядом с братом.

Но Тосума вырослел. В год, когда ему исполнилось семнадцать, он уже и думать забыл о давних приключениях и неприятностях. Память о злобном Милке и его вредительстве затиралась, и только глядя на сестру, он вспомнил отголоски тех ночей, наполненных колдовством и страхом. Увлеченный охотой и изучением окрестностей он все больше отдалялся от сестры, и все чаще, возвращаясь с долгих зимовок, удивлялся, как же она успела измениться. Его сестра хорошела, и уже сейчас в ней угадывалась будущая красавица, завидная невеста. Черная коса змеей стекала по спине девочки, зеленые глаза смотрели внимательно, старались за-

помнить все, что происходит вокруг. Стройная и гибкая она напоминала лису, готовую в любой момент сбежать, стоит только почувствовать опасность.

Тосума вздохнул. Он знал, что говорят о нерешительности его сестры. Слышал, как ее называли трусихой, и может еще поэтому обрадовался, когда Ирда предложила Райси провести с ней все лето в одном из морских станов.

– Селение без присмотра не оставлю, – шаманка сидела на крыльце их дома, курила и объясняла вождю свое решение. – Но и мне надо сил набраться. Да и дочь твою подучу. Медвежий праздник в этом году уже. Пусть она играет и танцует для Горных Духов. Они любят молодость и силу.

Вождь молчал. В глазах дочери он видел нетерпение и дикое желание прямо сейчас поспешить за шаманкой в таинственное место на пересечении мира Моря, Гор и Леса.

Наконец, он кивнул. Все равно не удержать. А если его дочь не получит разрешения, чего доброго решит сбежать следом, а там страх если подведет – так и погибнет в лесу.

Шаманка и маленькая нивха покинули селение тихо, рано утром, когда все еще спали. С вечера попрощавшись с семьей, Райси впервые покидала родные места так надолго, но как ни странно, ее это совсем не пугало.

Лето катилось к середине. Снег окончательно сошел с сопков и земля начала прогреваться все сильнее. Вслед за желтыми огоньками цветов-первоцветов к солнцу потянулись

яркие пятнышки сараны. И радуясь теплу, осмелели птицы и звери. Ночи стали короче, светлее, луна росла, превращаясь в ровную круглую подвеску-ват. И высоко в сопках гуляли Горные Хозяева.

Охота стала проще: звери разомлели от тепла, стали менее бдительными. Охотники племени радовались легким уловам, с благодарностью оставляя ритуальные кушанья на местах стоянок. Собаки млели от тепла и лениво водили головами, реагируя на шаги хозяев. Молодые нивхи присматривались друг к другу. Девушки все чаще перекидывали косы с плеча на плечо, стараясь показать какие длинные у них шеи. Все чаще убирали выпавшие пряди волос за уши, что бы парни смогли увидеть мимолетные взмахи рукавов халатов, в которых прятались тонкие женские руки.

Да и парни сидя у костров говорили уже больше о своих подвигах да о выборе невест, чем об охоте и традициях. И если девушки присоединялись к потенциальным женихам во время их сборищ, то возникали споры. Воины племени подначивали друг друга, шутками и колкими замечаниями подбивали на самые разные поступки, иногда безобидные, иногда не очень.

Тосума редко присоединялся к соплеменникам в попытках подбить товарищей на очередной подвиг. Но догадывался, что и ему испытаний не избежать. Другое вопрос, что заставят делать сына вождя?

Все началось в обед. К группке парней, среди которых

был и Тосума, подошли две девушки. Обе высокие, статные, обе с шитьем в руках.

– Воины, у моей сестры закончились ракушки для украшения халата, – выступила вперед та, что постарше. – Может, кто из вас поможет?

– Чем помочь то? – Спросил кто-то из парней.

– Нужно ракушек набрать, – девушка хмыкнула, мол, что тут непонятного. – Покажи им.

Ее спутница разжала ладошку, показывая парням перламутровые ракушки-блюдца, небольшие, чуть больше ногтя на большом пальце.

– Ого, – парни присвистнули.

Задача и правда была не из легких. Такие ракушки можно было найти только на побережье возле Нерпичьего мыса. А туда и путь не близкий, через лес, да и собирать такие ракушки надо только на рассвете, иначе прилив не даст. Воины переглянулись, никому не хотелось возиться с таким заданием. И тут кто-то вспомнил, что есть среди них те, кому эта задача как раз по статусу.

– Тосума, уж никак по тебе невеста, – один из парней недвусмысленно намекал, на какие халаты нашивались такие ракушки.

Юноша пожал плечами. Отказаться – все равно, что заявить, что он трус и самый худший воин. Выбора не было.

– Так что, когда моей сестре ждать ракушки? – Бойкая девушка улыбнулась парням.

– Когда принесу, сам вас найду, – буркнул ей в ответ Тосума. Еще не хватало обещания давать.

Он встал и поспешил к дому. Если сейчас выйдет в сторону мыса, возможно даже успеет туда к рассвету. А иначе придется еще сутки ждать. Вот ведь глупости, испытания эти. Парни придумали, а девушки поддержали.

С собой Тосума взял только немного еды, нож да веревку. Он не рассчитывал задерживаться, а ночи были светлые, можно легко пройти по лесу, если конечно осторожность соблюдать. Вот только парень явно не учитывал, что к ночи погода изменится. Черные рваные тучи пронеслись по небу, застилая луну, гася ее свет. Тосума выругался и тут же огляделся. Еще не хватало руганью привлечь лишнее внимание. Он устал, был вымотан и голоден. Еды он взял не так много, как нужно было. Для разведения костра еще надо было собрать хвороста, травы или сухой коры, но мешала темнота. Да еще ветер поднялся. Намечался дождь, и от этого становилось совсем неприятно.

Где-то за спиной Тосумы зашуршала, захрустели ветки. Парень прислушался. Кто это мог быть? Медведь или лесные духи? Вцепившись в нож, юноша сделал несколько неуверенных шагов в сторону, развернулся, надеясь, что это лишь ветер гуляет в кронах деревьев. Позади и правда никого не оказалось, но опасность таилась под ногами молодого воина. В темноте он и не заметил, как подошел к оврагу. Обзору мешали и поваленные ветки и высокая густая трава. Сделав

еще несколько шагов, озираясь по сторонам, Тосума вдруг понял, что правая нога больше не находит опоры. Он хотел вцепиться в ближайшую ветку, но руки лишь схватили воздух. Приглушенно вскрикнув, юноша кубарем скатился вниз по довольно крутому склону. Нож он потерял где-то по дороге, но не это было главное. При падении левая нога запуталась в траве, дернулась, и сейчас пульсировала острой болью, не позволяя встать. Тосума лежал на земле и ругал сам себя. За то, что не догадался про погоду, за то, что не взял розжига для костра, за то, что начал паниковать в лесу. Вот и лежи теперь, с больной ногой, в темноте и без оружия. Парень попытался встать, но ногу прошила такая боль, что он оставил все попытки хоть немного сдвинуться с места. Кричать тоже было бесполезно. Если парни из селения и следили за ним, то не так долго. Тосума лег на землю и попытался расслабиться. Может это поможет, и боль утихнет?

Сколько он так лежал, юноша не знал. Темнота сгустилась, и создавалось впечатление, что весь лес сейчас кружит вокруг него. словно все опасности темноты хотели поймать именно его. Тосума начинал паниковать. липкий противный страх всколыхнулся на дне души и пополз вверх, к самому сердцу. Давно уже парню не было так жутко. Давно, с момента, когда он ловил жаб в своем родном доме. Но тогда он победил свой страх. И сегодня победит. Правда, пока получилось очень плохо. Тосума чувствовал, как дрожат пальцы. От холода или страха? За каждым деревом ему мерещились

милки с холодными глазами.

А потом он услышал шаги. Где-то совсем недалеко кто-то пробирался через лесную подстилку. Окрикнуть или не стоит? Кому это захотелось в лесу ночью гулять? Юноша прислушался, стараясь понять, откуда идет звук. И вдруг увидел свет. Крошечный огонек скользил меж деревьев, разгоняя темноту. Огонек был теплым, манящим, но Тосума все еще дрожал, зубы стучали, да и сил не было звать на помощь. Страх захватил его, связал и не давал выбраться из ночной ловушки.

Огонек приближался. Юноша уже представлял себе милка с фонарем из человеческого черепа, но из-за кустов выскочила лиса. Рыжая, небольшая, совсем юная, но с ясными зелеными глазами и мудростью во взгляде. Зверек внимательно посмотрел на юношу, а затем призывно тявкнул. Тосума невольно вздрогнул. Лисица кого-то звала, но вот вопрос: кого? В ответ на зов лисицы огонек за деревьями дрогнул и стал приближаться. Парень напрягся, одной рукой упираясь в землю, второй – нащупывая палку побольше. Вдруг к нему идет опасность. Но из-за деревьев, в шорохе листвы и треске веток, вышла Райси. Ее глаза стали раза в два больше и сияли, словно драгоценные камни. В руке она несла глиняный горшок, с многочисленными отверстиями в стенках. На дне горшка горел огонек. Свет его пробивался через отверстия, но и руки не жег, не доставал до веревки, служившей ручкой.

– Ну, наконец-то, – вскрикнула девочка и присела рядом с братом. Свой фонарик она поставила так, что бы осветить ноги юноши.

– Вот что тебя в лес то понесло? – Запричитала она, касаясь поврежденной ноги парня.

Боль от прикосновения заставила Тосуму выйти из ступора.

– Райси? Ты что тут делаешь? – Он смотрел на сестру как на духа из сказки шаманки Ирды.

– Тебя спасаю, что ж еще, – она ворчала больше для виду. – Ты мне все утро снился. Я все думала, что ж такое случится. А к вечеру – четко увидела, как ты упадешь. Думала, если сейчас же выйду, то успею предотвратить беду. Но не успела. Хорошо еще мы тебя почти сразу нашли.

– Мы? – Тосума глянул на лисицу. Зверек довольно щурился в свете горшка-фонарика.

– Ну да, это моя помощница, – Райси улыбнулась и попыталась расшевелить больную ногу. – Я ведь теперь почти шаманка. Ирда меня обучает. У меня уже спутник появился. Это здорово, ты даже не представляешь, сколько всего видят шаманы...

Она говорила и говорила, рассказывала о лесных дорогах, духах и Хозяевах. Тосума слушал, и казалось, засыпал. Вернее впадал в транс, от слов сестры. Да она уже и не говорила, а пела. И песня ее звучала словно колыбельная.

– Все, проснись! – Райси щелкнула брата по носу, и юноша

вздрыгнул, возвращаясь в реальность.

– Я чуть не уснул, – несколько удивленно пожаловался он сестре.

– Ну да, – она кивнула. – Иначе я бы тебе боль в ноге не перекрыла.

– Что? – Не понял Тосума.

– Вставай, – Райси хихикнула и, подхватив фонарик, отошла в сторону.

Тосума неуверенно пошевелил ногой. И как ни странно, но боли не почувствовал. Что бы ни сделала его сестра, но он теперь мог идти.

– Как ты... – юноша поднялся на ноги и хотел продолжить вопрос, но сестра его опередила.

– Я заставила тебя забыть о боли через песню, – улыбнулась она, – только и всего. Правда действует до первого сна. Но мы быстрее тебя вылечим. Пошли.

Райси больше ничего не объясняла, а ее брат решил запастись терпением и не отвлекаться на разговоры, а то и вторую ногу можно повредить.

Они шли к морю. Тосума это понял по горьковатому запаху водорослей, пробивающемуся сквозь запахи леса.

– Зачем тебя в лес понесло ночью? – Спросила его Райси, когда впереди заблестела водная гладь. Ветер стих, разогнав тучи и освободив луну из их плена, правда, ненадолго – темные облака уже маячили на горизонте.

Тосума рассказал про ракушки и его сестра громко фыркнула.

– Вот ведь глупость. Если бы я хотела обратить на себя внимание парня, я бы просто ему подарок сделала.

– Ты же знаешь, что это не по правилам, есть же традиции, – напомнил ей брат.

– Глупость это все, – Райси пожала плечами. – Даже у лесных духов все проще: если нравится, то надо просто об этом сказать.

Тосума задумался. Может его сестра и права. Ему и самому такие игры были не по душе. Глупая трата времени.

Они вышли из леса и Тосума тут же заметил слева огонь костра. И еще дальше – темную громаду Нерпичьего мыса.

– Почему мы именно сюда пришли? – Спросил он сестру.

– Так тут всегда шаманы стоят, – она хихикнула. – Это ж самое сильное место. Здесь тебе и море, и земля и небо. Правда, стан на другой стороне мыса. А мы сейчас пойдем твою ногу лечить.

И она быстро зашагала к костру. Тосуме только и оставалось, что следовать за ней.

Вокруг огня, на бревнах сидели люди. Три высокие девушки, с длинными черными волосами до колен, одетые в нерпичьи шкурки, и мужчина, огромный как гора, с растрепанными волосами и густой бородой. На его плечи была наброшена медвежья шкура.

Заметив приближающихся гостей, девушки захихикали, но ничего не сказали. Мужчина же только хмыкнул и продолжил свою работу – вырезание из кусочка дерева фигурки.

'Если они не шаманы, то, что тут делают?' – подумал Тосума.

– Здравствуйте, – Райси улыбнулась хозяевам костра. – Моему брату надо ногу подлечить.

Мужчина кивнул на свободное бревно, мол, садитесь. Тосума устроился возле костра, его сестра села рядом. Тут же у ее ног растянулась лисица. Горшок-фонарик догорел, и девочка оставила его возле огня.

Одна из девушек встала. Ее волосы черным потоком струились по телу, скрытому нерпичьей шкуркой. Волосы и шерстка нерпы сливались, и казалось, что девушку опутывал плотный черный кокон. Она присела рядом с юношей и легко коснулась его ноги тонкими белыми пальцами. Тосума почувствовал, как холод проникает под одежду, но от этого было приятно и спокойно. Девушка пахла рыбой и морской водой. В волосах ее блестела засохшая соль. Она затянула песню без слов, но пела не долго. Через несколько минут она вернулась к своим подругам.

– Больше болеть не будет, – Райси улыбнулась брату.

Только сейчас Тосума заметил, что на плече сестры висит небольшая меховая сумочка. Из нее Райси достала кусочки рыбьей кожи с узорами в виде рыб и оленьих рогов, и сейчас сшивала их вместе.

– Что это? – Тосума кивнул на шитье.

– Мой халат для шаманских ритуалов, – его сестра подняла ткань повыше, чтобы брату было лучше видно.

В свете костра казалось, что рыбки плывут по ткани и олени рожки дрожат на ветру.

– И в селение ты вернешься уже шаманкой? – Тосуме почему-то стало грустно.

– Нет... – Райси опустила шитье и внимательно посмотрела на огонь. – Я вообще не вернусь.

Тосума вздрогнул, хотел что-то сказать, но понял, что не стоит. Он просто молчал и ждал объяснений. Райси продолжила рассказ.

– Ирда говорит, что у меня сил очень много. Мне надо отправиться в путешествие по нашей земле, научиться говорить с ветром, общаться с духами, войти в жилище Горных Хозяев. Я, скорее всего, даже человеком быть перестану, но я понимаю, что должна так поступить.

– И тебе не страшно? – Тосума удивленно посмотрел на сестру. – Не страшно быть шаманом? Не страшно выполнять все эти задания? Не страшно было в лес ночью идти? Ты ведь всегда...

Он запнулся, подбирая слова.

– Всегда была трусихой? – Райси его поняла. – Нет, не страшно. Да и раньше не страшно было. Но тебе нужно было кого-то защищать. Ты хотел быть храбрым ради кого-то, вот я и думала, что возможно, ради меня. Но Ирда сказала,

что ты новый вождь племени. Ты будешь храбрым ради всего поселения, а я должна пойти другой дорогой.

Тосума молчал. Странно, но он раньше не замечал, что его сестра притворялась.

Девушки встали с бревна, и пошли к морю. Они вошли в воду прямо в своих шубках, и весело смех исчезли в волнах. Мужчина недовольно фыркнул, глядя на их веселье.

Тосума сидел, смотрел на огонь и думал. Было грустно, ведь сестру он возможно больше не увидит.

– Я еще приду к тебе, – Райси словно прочла его мысли. – Мы ведь единая кровь. Я всегда узнаю, если буду тебе нужна. Как сегодня.

– Хорошо. – Ее брат натянуто улыбнулся. – Тяжело быть шаманом?

Райси пожала плечами.

– Когда как. Иногда весело, иногда – устаю. Я начала делать свой бубен. Он будет из ивы, а на шкуре я вырежу оленьей и лягушек с ящерицами⁸

Тосума кивал. Райси все рассказывала, о духах и Хозяевах, о танцах и песнях. Она и сама начинала петь, и тогда огонь в костре танцевал в такт мелодии, в пламени плясали фигурки животных и людей. Или это только казалось? Мужчина в медвежьей шкуре довольно кивал, слушая песни маленькой шаманки.

Где-то на востоке начал зарождаться рассвет. Темново-

лосые девушки вернулись к огню, неся в ладонях перламутровые раковины-блюдца, те самые, из-за которых Тосума и отправился вчера в путь. Хихикая, девушки ссыпали ракушки у ног парня, и начали сушить волосы. Тосума удивленно смотрел то на девушек, то на ракушки. И наконец, начал горячо благодарить красавиц за подарок. Те лишь рассмеялись, впрочем, его это уже не смущало.

Когда темнота ночи превратилась в молочные сумерки, мужчина встал со своего места и потянулся. Хрустели его кости, шуршала шкура, а Тосуме казалось, что сами сопки гудят за спиной этого человека. Мужчина посмотрел на юношу и протянул ему деревянную фигурку медведя. Именно ее они вырезал всю ночь.

– Спасибо, – Тосума хотел сказать еще что-то, но не успел.

– Будь храбрым воином, – прогудел мужчина, и пошел прочь от костра. По дороге он набросил шкуру на голову, так что теперь она закрывала все его тело, а затем встал на четвереньки. Он шел и раскачивался, и постепенно менялся. И вот уже не человек идет по песку, а огромный медведь переваливается. Тосума открыл рот, и снова закрыл. Только сильнее сжал фигурку в руке.

Девушки, смеясь, побежали к морю, ворвались в соленые волны. Вода накрыла их, и через секунду на гребнях волн качались три нерпы, любопытные и хитрые. Вскоре и они скрылись из виду.

– И мне пора, – Райси собрала свое шитье обратно в сум-

ку, подняла горшочек и посмотрела на затухающий костер. – Тебя тоже дома ждут.

Тосума собрал ракушки в узелок из ткани, спрятал под рубашкой. Он не знал, как прощаться, и надо ли, если сестра обещала, что они еще увидятся.

– Я буду скучать, – сказал юноша.

– И я, – Райси улыбнулась ему, сделала несколько шагов в сторону, но вдруг передумала и прижалась к брату. – Я очень-очень буду скучать.

Она перешла на шепот.

– Еще до зимы ты встретишь свою жену. У вас будут чудесные дети.

Она подумала и добавила.

– Не бойся умирать.

Больше она ничего не сказала, только поцеловала брата в щеку и поспешила прочь от костра, в сторону леса. Лиса побежала за ней следом. Тосума смотрел, как сестра удаляется и все ждал, а вдруг и она превратится, в птицу, например. Но Райси так и осталась сама собой.

Воины пришли в селение рано утром. Недовольные, усталые. Их было больше. Они были одеты в плотные кожаные доспехи. На боку у каждого висел длинный изогнутый меч. Кто-то нес лук и стрелы. Хотели они как всегда одного: разорить деревню, забрать всю еду, шкуры, более-менее цен-

ный вещи и увести с собой тех, кто не будет сопротивляться. Остальных – убить. Не первое селение они так грабили.

Тосума сидел на пороге дома и курил трубку. Его семья покинула селение еще вчера вечером. За эту ночь его родные, как и остальные жители, смогут уйти на безопасное расстояние, на летние стоянки. Тосума же остался. Во-первых, сильнее болела нога, и он стал бы обузой для людей, спешащих спасти свои жизни. Во-вторых, кто-то должен был замести одни следы и оставить другие, сбив незваных гостей с толку.

Главный среди воинов подошел к Тосуме. Крикнул что-то на своем языке. Из всей слов было понятно только 'старик' и 'люди'. Но интонация подсказывала: он хотел знать, где все.

– Чего суеитесь, – вздохнул Тосума и вытряхнул трубку. – Да хоть охрипните, все равно же не скажу и не покажу.

Воин пытался понять его слова. Но не мог. Махал руками, мол, покажи куда ушли. Но Тосума только улыбался. Ему было не страшно. Давно уже не страшно. Он прожил жизнь долгую и насыщенную. Теперь и помирать не жалко. Тосума провел рукой по поясу, нащупал деревянную фигурку медведя. В памяти тут же возникло знакомое лицо. 'Не бойся умирать'.

– Я и не боюсь!

Воин вытащил свой меч из ножен, взвесил на руке, видимо, стараясь напугать. Но Тосума только хмыкнул в ответ. Воин разозлился. Удар его был точен.

Умирать было больно, но не страшно. Последнее, что увидел Тосума, прежде чем закрыть глаза – как воины, пытаясь, стали пробираться через лес, следуя по ложном пути.

– Вставай! – Кто-то будил его, нагло и настойчиво. – Вставай, а то все проспичь!

Кто-то с очень знакомым голосом. Тосума открыл глаза и улыбнулся.

– Привет, сестренка. Я уже умер или нет еще?

– Вот глупый, – Райси хихикнула. – Пошли, тебя ждут все.

Тосума встал, хотел отряхнуться и замер, удивленно разглядывая себя. Он снова был молодым. Сколько ему сейчас? Лет семнадцать? А его сестра по-прежнему девчонка, и лиса все так же крутится у ее ног.

– Удивлен? – Райси была довольна. – Добро пожаловать в новый дом.

– Это Нижний Мир? – Тосума огляделся.

Вокруг были знакомые места. Знакомая поляна в лесу, где любили собираться молодые люди, знакомые домики за деревьями. Знакомые голоса.

– Ну, почти. – Райси пошла вперед, зовя брата за собой. – Хотя и так его тоже можно назвать.

Они вышли в селение. Оно было много больше, чем в их детстве. Жилищ стало больше, но свой дом Тосума узнал сразу. Откинув шкуру на входе, из жилища вышла молодая нивха. Их мама не изменилась, осталась такой же красивой,

как и в день смерти. Юноша не выдержал, побежал к ней.

– Здравствуй, – мама обняла его, взъерошила волосы. – Ты мой храбрый воин.

Отец подошел к ним, обнял, и Райси скакала рядом. Солнце согривало мир, и было легко и спокойно на душе. Ведь здесь не было смерти, и не было место страху.

Сноски:

1. Улитки в мифологии народа – символ связи с миром духов. Их изображение наносилось на ритуальные предметы.

2. Ваты – металлические мелкие подвески. Пришивались по подолу халата (для украшения и отпугивания злых духов) и на внутреннюю его часть. На женском халате спрятанные подвески указывали на количество братьев женщины.

3. Сарана – сибирская красная лилия, *Lilium tenuifolium*; желтая лилия, *Lilium martagon*

4. Милки – зловредные великаны в мифологии народа.

5. Пучка – местное название белокопытника

6. Девятка – одно из чисел женщин-шаманов

7. Инау – стружка с коры деревьев, обычно имеет вид вьющихся локонов. Красится краской из ягод, используется в ритуалах для очищения места.

8. Лягушки и ящерицы считаются проводниками шаманов в мир духов.

Произношение имен: рАйси Ирда тосУма

